

04/10.01

Макаревич Андрей
(рук. худ. гр. «Машинная группа»,
вед. программ, «Смак»...)

Игорь Зотов

Андрей Макаревич. «Сам овца». Биографическая проза. — М.: Захаров, 2001, 268 с.

СРЕДНЯЯ часть книги Андрея Макаревича, названная по первым строкам известной его песни «Все очень просто», хронологически написана на целых десять лет раньше первой и последней и посвящена собственноручно истории легендарной «Машинной группы». Любопытно, что как раз эта часть — гораздо менее интересна, чем другие две. Перечисление событий, приходы и уходы тех или иных музыкантов, интриги тогдашних властей — все это прочтут с удовольствием, наверное, только сугубые фанаты группы и самого Макаревича. Единственное, что хорошо в этой части, так это ее предельная корректность. Макаревич никого не осуждает, не раздает серег задним числом.

Гораздо любопытнее первая часть — «Сам овца», и последняя — «Дом». Вроде бы странно, но в них о самом Макаревиче сказано много больше, чем в истории, сделавшей его «звездой» отечественного рока. В них четко следятся истоки макаревических текстов и музыки. С этой точки зрения весьма характерно начало книги — вполне расхожие, а временами и высокопарные рассуждения о природе творчества. Не только музыкального, но и — вообще. Вот где зарыта собака ложной многозначительности «Марионеток», «Поворота» и им подобных песен. Той многозначительности, что раздражала еще в семидесятые годы. Но она же и была главной причиной бешеной популярности группы.

Занятный эпизод как раз на эту тему описал сам автор. На рынке к нему подошла пожилая женщина, «очень приятная и интеллигентная», и призналась, что и она сама, и дочка, и оба внука ее слушают его песни: «И календарь ваш у нас висит, и почти все пластинки есть, и в доме всегда звучит ваша музыка!»

И когда я уже совсем растаял, добавила: «Ваша и Славочки Добрынина».

Это обидное для Макаревича признание не так уж и неправомочно. Широкая популярность всегда — с некоторой пошлинкой. И невозможно себе представить, что подобные слова пожилая женщина могла бы обратить, скажем, к Борису Гребенщикову.

Макаревич жалуется: «Нет, не ревность душила, клянусь вам, а жуткая обида на зрителя, которого мы вчера считали своим (не своей собственностью, но своим по убеждениям!)», — за зрителя, который сегодня с таким наслаждением позволяет себя дурачить». И напрасно жалуется, поскольку неконформизм машиновременского типа был вполне удобен всем и в 70-е, и в 80-е, и в прочие годы.

Но все это ровным счетом не имеет никакого отношения к собственно мемуарным страницам книги. К тем страницам, где Макаревич рассказывает не о гибельности социалистического строя, а о своем происхождении, о коммуналке на Волхонке с окнами прямо на Пушкинский музей. Об отце и матери. О том, как пил водку на даче у Михалкова и заблудился в тамошних заборах.

Рассказывает честно и, что называется, без понтов. И это приятно. Понятно, что от автобиографии какого-нибудь вполне безвестного человека рассказы Макаревича выгодно отличают их вполне узнаваемые и популярные персонажи. Интересно же, в конце концов, прочитать, как выма-

Уже в детстве Андрей открыл, что не на все вопросы бывают положительные ответы.

ПОЧЕМУ ИИСУС НЕ УЛЫБАЛСЯ

Андрей Макаревич: вопросы самому себе

Независимая Газ. — 2006 — 4 окт. — с. 5

Андрей МАКАРЕВИЧ
«Сам овца»

автобиографическая проза

тального таланта, композиционных изысков и отобранных деталей. «Сам овца» без философий — чтение увлекательное. Но вот парадокс: в последней части книги, после занятого описания своего дома и его обитателей, после скромного и славного описания событий августа 1991 года и своего в них участия, Макаревич вдруг возвращается к философии. Но уже на совершенно другом уровне. Сперва — ностальгическая ода советской пельменной, потом забавный, стилистически безупречный эпизод про то, как на каком-то греческом острове его компания спутала частный дом с придорожным кафе и что из этого вышло, и наконец — перечень «вечных» вопросов самому себе.

Каждый из которых прямо-таки вопиет о том, что всенародная популярность и простое счастье — две вещи несовместные. (Кто бы смог заподозрить вечно улыбающегося и внешне успешного Андрея — в таких откровениях!) К примеру: «Я не понимаю, почему во всех четырех Евангелиях Иисус гневался, скорбел, вопрошал и учил, но ни разу не улыбнулся». Действительно, почему?

254